

Юрий Лабынцев, Лариса Щавинская
(Москва)

Церковное летописание во II Речи Посполитой

*(По материалам культурологической экспедиции 1996 г.)**

О восточнославянских летописях и летописании в давней Польше и Великом княжестве Литовском известно немало. Существуют даже специальные библиографии работ, посвященных этой проблематике, например, составленная Р. П. Дмитриевой, учитывающая литературу на многих языках вплоть до 1960 г.¹ Обилие исследований о древних и старинных летописях как нельзя более красноречиво свидетельствует о значительном интересе к этим историческим источникам и литературным памятникам, исследователями и публикаторами которых начиная с XVII столетия выступали гуманистии различных специальностей, в основном историки и литературоведы. Последние во все времена проявляли к летописанию особый интерес. Не случайно одним из крупнейших знатоков летописей в наши дни является Д. С. Лихачев.

Впрочем, все это относится преимущественно к древнейшим и древним летописям, менее к старинным. Летописи позднейшие почти не привлекали внимания². Исследований церковного лето-

* Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (96-04-18008). Авторы выражают свою особую благодарность за помощь в собирании материалов протоиерее Григорию Сосне.

¹ Р. П. Дмитриева, *Библиография русского летописания*, Москва—Ленинград 1962.

² В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, Киев 1908, кн. 2, т. 2, с. 1423-1488.

писания XIX в. не проводилось вовсе и лишь сейчас вопрос о его существовании, как нам кажется, может быть наконец поставлен.

Куда более сложное положение с церковным летописанием в XX столетии, особенно в послереволюционные (после 1917 г.) годы, когда начался небывалый до той поры процесс тотального уничтожения Православной церкви. Церковное летописание этого совсем недавнего времени видится чем-то совершенно невероятным, едва ли вообще возможным. Тем не менее такое летописание существовало и связано оно было как с древними восточнославянскими традициями, так и непосредственно с традициями Русской Православной церкви, заложенными в XIX в.

Удивительной страной, где церковные летописи писались вплоть до наших дней, а особенно интенсивно в 1920-е — 1930-е гг., оказалась Польша. И Речь Посполитая с ее Православной церковью, почти 5 миллионами православных, традициями и культурой Русской Православной церкви, которые были переняты от Церкви-Матери, стала уникальным местом, где традиции эти и культура не только сохранялись, но и отчасти развивались, примером чему служит и приходское церковное летописание.

В церковных приходских архивах Варшавско-Бельской и Белостокско-Гданьской епархий Польской Автокефальной Православной церкви до сих пор сберегаются местные церковные летописи, составившиеся священниками во второй половине XIX и XX вв. Начало этой работе было положено в 1860-е — 1870-е гг., когда по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода ведение погодных летописей вменялось в обязанность настоятелю каждой приходской церкви по всем епархиям. Впервые в епархии Литовско-Виленской решение о ведении церковных летописей оглашено в 1867 г., когда ею управлял известный митрополит Иосиф (Семашко). Помимо соответствующих письменных указаний, доведенных до сведения всех приходских священников, решение о ведении церковных летописей было опубликовано в „Литовских епархиальных ведомостях” (1867, № 2). В дальнейшем внимание к этому вопросу со стороны руководства епархией все время возрастало. Был подготовлен даже целый ряд специальных инструкций, касающихся церковного летописания, первой из них стали правила³, разработанные при митрополите Макарии (Булгакове), известном церковном историке, который тогда управлял Литовско-Виленской епархией. Очень подробной была и тщательно составленная записка „Об описании церквей и приходов Литовской епархии”, появившаяся в 1886 г. и утвержденная Литовской духов-

³ „Литовские епархиальные ведомости”, 1879, № 52, с. 423-425.

ной консисторией⁴. Вместе с тем, дело с возрождением церковного летописания не везде шло успешно, в некоторых приходах летописи не велись вовсе, что заставляло отцов благочинных и консисторию постанно напоминать приходским священникам об их новой обязанности⁵

Впрочем, было и немало удивительных исключений, когда ведение погодных летописей превращалось в настоящую исследовательскую работу, плоды которой стали особенно ценны уже в наши дни. Пример тому „Церковно-историческое и статистическое описание Чарнянской церкви и ее прихода”, сделанное священником Алексеем Волковским в начале 90-х гг. XIX в. Этот „документ был найден в январе 1992 г. во время подготовительных работ по упорядочиванию приходского архива в Чорной-Церковной, проводившихся Дорофеем Фиоником”⁶. находка оказалась столь значительной для местной истории, что почти сразу же Д. Фионик и С. Иванюк приступили к ее публикации на языке оригинала (русском) и в переводе на польский. Этот перевод вместе с публикаторами осуществила известная белорусская поэтесса с Белосточкины Надежда Аргымович.

Труд о. Алексея представляет большой научный, культурный и чисто церковный интерес, ибо в нем священнику удалось почти с фотографической точностью запечатлеть особенности основных сторон жизни нескольких православных селений самого края польско-восточнославянского пограничья в XIX в. О. Алексей изучал местные традиции, материалы богатого церковного архива, во многом ныне утраченные, собирал народные предания и даже проводил археологические раскопки (подробнее см. нашу рецензию на эту публикацию)⁷. Вместе с тем, данная публикация явилась пожалуй первым столь удачным примером возобновления археологической работы по выявлению памятников кирилловской письменной традиции на территории современной Польши, предпринятого православными молодежными братствами. А ведь восточнославянское рукописное и печатное наследие в нынешней Польше столь значительно, что требует специального систематического изучения, включая и самые настоящие археологические экспедиции, своего рода опыт проведения которых был впервые поставлен Варшав-

⁴ „Литовские епархиальные ведомости”, 1886, № 37, с. 336-345.

⁵ „Литовские епархиальные ведомости”, 1880, № 2, с. 9.

⁶ O. Aleksy Wołkowski, *Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarniej Cerkiewnej*, Wstęp i przypisy Doroteusz Fionik, Sławomir Iwaniuk. Czarna Cerkiewna — Bielsk Podlaski, 1994, с. 6.

⁷ „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, 1994, № 2, с. 164-168.

ским университетом в 1970-е гг.⁸ Собственно без систематического обследования всех без исключения архивов приходских православных церквей в Польше, Западной Украине и Литве, а также отчасти целевого поиска в некоторых епархиальных и ряде государственных хранилищ, невозможно представить полную картину церковного летописания во II Речи Посполитой.

В нашем распоряжении оказалось всего лишь около десятка церковных летописей, ведшихся в межвоенной Польше в основном в местах населенных белорусами, отчасти украинцами. Некоторые из этих памятников удалось полностью или частично скопировать, с остальными более или менее подробно ознакомиться. Примечательно, что наиболее тщательно и умело составленные церковные летописи писались в том приходе, который имел значительный опыт в составлении различного рода отчетов, обладал хорошим архивом, иногда с документами двух или даже трехсотлетней давности, неплохой библиотекой. Были и выдающиеся летописцы, обладавшие исключительным литературным талантом, которые оставили нам записки, читающиеся с огромным интересом. В них оказалась запечатленной не одна человеческая жизнь, история нескольких поколений, порой почти сокровенные мысли самого писателя, его раздумья о событиях, лицах, своей эпохе в целом.

Существовали и своего рода апологеты церковного летописания. К таковым мы бы отнесли протоиерея Ксенофонта Милькова, оставившего нам интереснейшее повествование — „Нечто новое о ведении церковных летописей”⁹. „Материала для записей в церк. летопись, — сообщал о. Ксенофонг, — имеется достаточно в каждом приходе. Самое главное — это, чтобы отцы настоятели приходов имели охоту вести церк. летопись не за страх, а за совесть, не отступая от Указов Консистории и не ожидая деликатных напоминаний отцов благочинных. Писать о всем, не мудрствуя лукаво, что имеет то или иное отношение, прямое или косвенное, к данной церкви и приходу, даже — о погоде, от которой зависит посещаемость прихожанами церкви, — об урожае, от которого, ведь, зависит жертвенность прихожан и т.п. (...) Летописец должен в себе воспитать любовь к записыванию, вырезыванию и наклеиванию и надолго не откладывать своих записей: подождать, когда материал соберется, — сейчас его и вписывать в церк. летопись. Откладывать же дело записи надолго, это значит: никогда не записать ее. Интересно всег-

⁸ Ю. А. Лабынцев, *К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше*, „Славяноведение”, 1995, № 2, с. 80-83.

⁹ Протоиерей Ксенофонг Мильков, *Нечто новое о ведении церковных летописей*, „Воскресное чтение”, 1938, № 18-19, с. 211-212.

да то, что записано «по свежему», а «отклад» — не идет в лад», как говорит народная пословица”.

Все известные нам церковные летописи, ведшиеся в межвоенной Польше, можно разделить по степени их подробности и таланта записывавшего на три группы. К первой, весьма многочисленной, относятся очень краткие погодные записи, порой с пропуском ряда годов. Объем таких летописей за весь межвоенный период равняется всего лишь нескольким страницам. Такова в основном церковная летопись из Беловежа, ведшаяся при храме во имя св. Николая Чудотворца. Вторую группу образуют более или менее обширные летописные сборники, многие из которых стали составляться еще в предвоенные годы, то есть до начала I мировой войны и трагического периода в жизни православных межвоенной Польши, который получил название „беженства”, когда местное православное население и духовенство были почти полностью эвакуированы в глубь России и Украины, а затем в течение нескольких лет возвращались в разоренные и опустошенные войной родные места, где при новой власти долгое время (годами) не получали гражданских прав. Обо всех этих событиях, а также о многочисленных человеческих жертвах военного времени, периода эвакуации и „беженства”, пришедшихся на годы революционного переворота в Российской империи и ее распада, можно прочитать в этих церковных хрониках. Порой они единственные достоверные свидетельства по истории той или иной местности 1910-х — 1930-х годов, уникальные документы, характеризующие умонастроения крестьянства и духовенства — белорусов, украинцев, русских, „ту-тэйших”. Так в разделе „О церкви или храме” второй части „Церковно-приходской Летописи Кожанской Крестовоздвиженской церкви” записано: „Во время мировой войны в 1915-м году колокола церковные прихожане затопили в реке Нареве. Утварь церковную зарыли в землю. Две иконы месночтимыя Божией Матери прихожане взяли с собою и одна из них осталась в России, а другую прихожанин деревни Кожан Илья Алексюк привез с собою назад, когда возвратился из эвакуации. По возвращении из эвакуации в 1921 году прихожане извлекли колокола из реки Нарева и повесили на колокольню. Зарытая утварь в земле была откопана ими и перенесена в церковь”. В разделе „Имущество церкви” той же летописи сказано: „До мировой войны при церкви было 58 десятин 548 квадратных сажён. В 1925 году при церкви оставлено лишь 2 гектара, а остальная земля отошла к Дирекции Лесов Правительственных, которая отдает местному населению церковную землю в арендное содержание (...). Священник получает от казны в месяц 55 злотых

вспомоществования, а псаломщик — 20 злотых. Кружечного дохода причт имеет за 1932-ый год 600 злотых, за 1931-ый год 750 злотых и за 1930-ый год 700 злотых”.

Летопись содержит достаточно подробные сведения о причте, знакомит нас с его образовательным уровнем, особенностями поставления: „Священник Николай Лебедев, по прошению, перемещенный из Виленской епархии, Его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием назначен 6 июня 1932 года в Кожанский приход. Окончил полный курс учения в Виленском Духовном училище и по особому испытанию при Комиссии Гродненской Духовной Консистории выдержал экзамен на звание священника. Псаломщик Александр Савоневский окончил Васильковское народное училище и его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием 11 июня 1927 года назначен и.д. псаломщика”. В год своего назначения „в Кожанский приход” о. Николай Лебедев запишет о здешних прихожанах: „В настоящее время числится прихожан — мужескаго пола 700, а женскаго — 800 человек. Прихожане довольно усердно посещают церковные богослужения; за редкими исключениями бывают у исповеди Св. Причастия. Нравы женатых прихожан хорошие, что же касается молодежи мужескаго пола, то они под влиянием алкоголя на своих собраниях заводят драки. Во время мировой войны, в 1915-м году, немногие из прихожан остались на насиженных местах, а большинство уехало в глубь России. Вернулись из эвакуации они в 1921, а частью в 1922 году. Прихожане занимаются земледелием, а в деревнях, расположенных вблизи реки Нарева, еще — рыбным промыслом. — За время, когда не было священника в Кожанском приходе — в деревню Дорожки стали наезжать вожаки сектантов баптистов и таким образом из православия совратилось в баптизм 5 семейств, но больше сектанство не распространяется”.

В погодных записях с различной степенью подробности освещаются те или иные важнейшие события, произошедшие в приходе, особенно тщательно описывается все, что связано с церковной жизнью, а также выдающиеся случаи в судьбах прихожан. Постоянно фиксируется число браков, рождений и погребений; финансовое состояние приходской церкви; деятельность при церкви различных объединений прихожан, например, таких как церковные братства; все „церковно-тарелочные сборы”, в том числе шедшие на многочисленные „церковно-благотворительные цели”, такие, например, как поддержка образовательных учреждений православных, „русских Православных обителей на Афоне”, „Православной Духовной Миссии на Лемковщине”, „Церковно-строительного фонда Холмщины”, „восстановления Турковицкой обители на Холмщи-

не”, работ „по ремонту церкви в селе Тыляве на Лемковщине (в Малопольше)” и другие. Некоторые погодные записи содержат своеобразные лирические отступления летописца, порой увеличивающие их обычный объем в 2-3 страницы большого формата еще на 1-2 страницы. Пожалуй самые подробные записи делались по случаю приезда в приход правящего архиерея.

Очень резко многие церковные летописи проводят границу нового, военного времени: „Началась Польско-Немецкая война во второй половине с.г. и в начале сентября в нашу местность, — сообщает Кожанская летопись, — вступили немецкие войска, а после них Советские. (...) Епископ Гродненский и Новогрудский Савва пред приходом Советской власти уехал за границу, а потому Архиерейский дом, как пустующий, в Гродне, был занят Советской властью. Епископы Тимофей и Матвей, из военных священников Польской армии, были хиротонисованы во Епископов и тоже, при приходе Советской власти уехали за границу (...). Митрополит Дионисий, пред приходом Советской власти уехал, тоже уехал за границу”.

Примечательно, что все церковные летописи писались исключительно на русском языке. Последние записи в них относятся как правило к 1950-м гг. Все они, за исключением летописей третьей группы, имеют более или менее одинаковый состав. В начале такой летописи помещалась историческая справка о приходе и приходской церкви, составлявшаяся на основе различных документов, прежде всего находившихся в архиве самой церкви, а также различных литературных источников на нескольких языках, в основном польском, русском, латинском. Объем таких исторических справок в некоторых летописях доходил до 70 и более рукописных страниц большого формата. Справка превращалась в хорошо документированную историю данной местности по крайней мере за последние четыреста, а то и пятьсот лет, нередко со дня основания здесь поселений. Справки содержали выдержки из многих древних, ныне утраченных, документов, записи различных легенд, описания случавшихся здесь выдающихся событий и многое другое. В них как правило включались краткие резюме различных визитаций, что дает огромный по ценности материал по церковной истории.

Первая или общая часть летописи включала и подробные сведения о духовно-нравственном облике прихожан, готовность которых „нуждающимся в помощи всегда можно видеть (...), за исключением немногих единичных случаев”, — сообщила Кожанская летопись. „Целомудрие нарушается в редких случаях. Сироты, кале-

ки и нищие не бывают забыты, и милостыня там, где она нужна, охотно подается требующим ее. Заходит нищий в дом, ему не отказывают в подаении никогда и можно видеть с каким смирением и готовностью десятки женщин под церковью каждый праздничный и воскресный день наделяют хлебом и деньгами многих нищих, прося их молиться или за живых или за умерших”. Эта же общая часть летописей сохранила для нас образцы местного говора, „простого”, „тутейшего”, „нашего”, „своего”. В разделе Кожанской летописи, посвященном знахарству, читаем: „Указывая на какого-либо человека-знахаря, отвечают так: „О зь им цяжко возицися. Он може такой беды нарабиць, што до виьку не забудьешь”. В той же общей части помещались и специальные разделы, отображающие духовную культуру прихожан, причем в них были рубрики, специально касающиеся культуры словесной, устной и письменной, такие, например, как „Народная словесность”, „Книги”, „Чтение” и другие, дающие представление о местном фольклоре, рукописной и печатной книжности, бытовавшей здесь.

Вторая часть летописей, составляющая погодные записи, собственно являвшаяся „повременной церковно-приходской летописью” должна была в идеале выдерживаться по следующей схеме: сведения о чисто церковных событиях, в том числе и в местной жизни; имущественном положении приходского храма; о церковнослужителях; о прихожанах; о различных сборах; церковную статистику и „годовые выводы”.

Конечно же далеко не все настоятели приходских церквей ответственно относились к составлению церковных летописей. Многие из них даже в малой степени едва ли разделяли суждение протоиерея Ксенофонга Милькова: „Всякая вещь имеет свою историю. И церковь, и приход, и епархия — тоже имеют свою историю. Знание истории церкви, прихода в целом и каждого селения в отдельности — весьма необходимо и для Высшей Церковной Власти вообще, и в частности для приходского духовенства”¹⁰.

Потому то, „предвоенные Дух. Консистории требовали, чтобы в каждом приходе велись церковные летописи, а на обязанности о.о. благочинных лежала проверка: пишутся ли церковные летописи. При сдаче годового отчета о.о. настоятели должны были в числе множества книг и актов представлять о.о. благочинным и Летопись Церковную”¹¹. Однако, „к сожалению, и отцы настоятели приходов (в большинстве), и отцы благочинные (некоторые) — не придавали большого значения церковным летописям, и потому пос-

¹⁰ Там же, с. 211.

¹¹ Там же.

ледние велись, надо сказать правду, — небрежно. В некоторых летописях за какой-либо год было всего 2-3 записи, обыкновенно писанные в конце года пред представлением отчетности о благочинному¹². Не удивительно, что „попадались и такие «упорствующие» отцы настоятели», которые „принципиально”, целыми годами ничего не писали, и только ожидаемый объезд Владыки заставлял их присесть на один-два вечера и «с потолка» хватать материал для записей в церковной летописи”¹³.

В целом, церковная летопись, ведшаяся в том или ином приходе, плод труда нескольких летописцев, нескольких настоятелей данного прихода, труд общий, коллективный. В этом особое, даже принципиальное отличие церковных летописей первой и второй групп от группы третьей. Последнюю, весьма малочисленную, составляют обширные церковные хроники и описания, настоящие энциклопедии почти в духе Д'Аламбера, отличающиеся всеми качествами замечательного литературного и исторического памятника. Они написаны единственным автором, который одновременно выступает и в роли историка, и этнографа, и талантливого бытописателя, порой философа. Летописи этой группы заслуживают особого, отдельного изучения, специального исследования, так как каждая представляет собой значительный научный и общепознавательный интерес. К числу таких памятников принадлежит и „Описание Рыболовского Прихода за двухсотлетний период с 1751 по 1951 год по данным архива Рыболовской церкви” в двух книгах, составившееся в межвоенные и первые послевоенные годы местным священником о. Николаем Круковским, родившимся в священнической семье „в селе Малая Плотница бывшего Пинского уезда Минской губернии 21-го октября 1895 года”.

Посвящение, помещенное о. Николаем в самом начале его „Описания”, раскрывает особенности настроения и вдохновения автора, внутреннюю духовную атмосферу, в которой им осуществлялось церковное летописание.

„Труд этот посвящаю моим предшественникам — настоятелям Рыболовского Прихода, — нашедшим у стен Рыболовского приходского храма и других храмов прихода место вечного покоя.

Часто, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И, также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по человеческой слабости вносили туда с собою и житейския думы, житейския чувства, переживания и настроения.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 211-212.

И чудится мне, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, сорадуются моим радостям, сочувствуют моим горестям и, сами пережившие много и уже обретшие покой, готовы на помощь мне, своему малодушному и слабому преемнику.

Протоиерей Николай Круковский”.

Streszczenie

Kościół prawosławny w II Rzeczypospolitej liczył ponad 5 mln wiernych. W archiwach państwowych Polski znajduje się ogromna ilość dokumentów odzwierciedlających życie społeczności prawosławnej w Polsce. Są to dokumenty sporządzone zarówno przez administrację państwową, jak i cerkiewną. Jednak szczególną wartość mają latopisy poszczególnych parafii sporządzone przez ich proboszczów. Niektóre kroniki były prowadzone od połowy XIX w. Dokumenty te są bezcennym źródłem informacji o życiu zwykłych ludzi, procesach demograficznych oraz wydarzeniach gospodarczych i społecznych w parafiach. Dostarczają informacji, których nie zawierają dokumenty gromadzone w archiwach.

Summary

The Orthodox Church in pre-war Poland had more than 5 million believers. Polish state archives contain many documents concerning the life of the Orthodox community in Poland. These documents have been produced by both state and church administration. The chronicles (latopisy) of individual parishes written by priests are of particularly great value. Some of those chronicles record events from the middle of the 19th century. They are invaluable sources of information about the life of parishioners, demographic processes, and economic and social events in parishes. They provide data that cannot be found in state archives.